Горький в Запорожье

(ОТРЫВОК)

В тот день после обеда прошумел небольшой дождик, и погода к вечеру — ко времени прихода поезда — словно бы тоже приобрела праздничность. Ветер унялся, жара спала, небо стало прозрачно-голубым. Солнце торжественно переливалось на знаменах и золотыми брызгами рассыпалось на меди труб и пионерских фанфар.

Наконец показался долгожданный поезд. Он приближался тихо, чрезвычайно замедленным ходом. Горького заметили все издали. Он высунулся из окна и тоже еще издали замахал рукою в ответ на целый лес радостно поднятых рук.

Вот все ближе и ближе подплывает его низко остриженная голова, похуевшее скуластое лицо и большая рука, мягко машущая в ответ на приветствия. Он заметно волнуется. Что-то шепчет губами, улыбается, все больше и больше высывает из окна свои широкие угластые плечи, а глаза блестят и разбегаются по множеству счастливых лиц. И хотя никто его еще никогда не видел, однако ныне все: и скуластое лицо, и усы, что свисали вниз и дергались от волнения, и остриженная голова, которой никогда не видели на портретах, — все кажется таким знакомым, словно бы мельчайшие черты любимого писателя были каждому известны с детства.

Пока поезд остановился, Горький был уже весь засыпан цветами. Одна шустрая девушка даже умудрилась набросить ему на шею веночек, сплетенный из ярких степных роз.

Давно уже стоит поезд, давно уже все вышли на перрон, а Алексей Максимович все еще остается в окне, никак не оторвется от охваченной гулом толпы, сверкает из-за цветов слезами, ло-

вит протянутые к нему руки, что-то говорит и опять пожимает руки.

Эта встреча глубоко тронула Горького. Но еще больше он был тронут, когда вышел с вокзала и очутился на площади, запруженной народом.

Здесь должен был состояться торжественный митинг. Для этого специально соорудили трибуну. Но как только на крыльце показалась высокая, в сереньком плаще внакидку, в белом картузе, немного сутуловатая фигура Горького — площадь загремела такой бурей восхищения, что, казалось, земля вздрогнула от взрыва.

Горький остановился. Для него это было неожиданностью. Перед ним уже не толпа, а целое людское море волнуется, клокочет, и конца-края этому морю не видеть. Он снял картуз, смял его и поднял руку с намерением поблагодарить всех за теплоту и сердечность. Но человеческое море, словно бы перехватив его мысли, загремело еще большим восхищением. И это был не просто восторг — это было яркое проявление горячих, искренних чувств украинского народа к великому сыну братского русского народа.

— Трогательно, — еле слышно говорит Алексей Максимович. — Это уже слишком трогательно...

Он снова поднимает руку, хочет остановить бурю приветствий, но от того площадь гремит еще сильнее. Он снова поднимает руку, но площадь не унимается. Наконец, Алексей Максимович, словно обессиленный, опускает руки и долго стоит неподвижно. Усы его подергиваются, брови смыкаются, и теперь он в самом деле теряет способность что-либо сказать.

Потом он поднимается в

открытую легковую машину, становится на сидение и низко-низко кланяется народу.

Машина легко, будто лодка, поплыла между бурлящими людскими волнами.

Митинг был перенесен в городской сад и объединен с торжественным пленумом Запорожского горсовета, специально посвященным приезде Горького.

Вскоре городской сад тоже был переполнен. Но теперь уже никто не кричал и не хлопал в ладони. В саду воцарилась такая тишина, словно бы тут не было ни души. На трибуне стоял Горький.

— Очень трудно мне, товарищи, говорить... Не мастер я на эти дела, не мастер... Не находишь достаточно точных и сильных слов, чтобы высказать радость и гордость, которую вы вызываете. Не раз уже я видел такие огромные волны голов, и они слились для меня в одно целое — в голову великана-богатыря, творящего чудо. Все сказки о величии, о чудесах, которые таят в себе обычно подвиг и человеческие усилия, — бледны по сравнению с той силой и той энергией, которую представляет собой вы.

Он говорил негромко, медленно, и с частыми остановками. Слова его, с подчеркнутым ударением на «о», мягко ложились в гулу людей и своей ясностью, искренностью западали в душу.

Какой-то особой радостью засияло его лицо, когда он заговорил о том, что уже успел увидеть в Москве, в Харькове, о грандиозных масштабах нового строительства, о больших успехах, достигнутых в течение короткого времени молодой Страны Советов.

— Все это могла сделать только коллективная голова пролетариата!

Перевод с украинского.

Иллюстрации к Запорожью, 1980, 23 мая